

Акад. В. В. Виноградов

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО СИНТАКСИСА

(от Ломоносова до Потебни
и Фортунатова)

Издательство
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1958

Утверждено
УЧЕНЫМ СОВЕТОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
И КОМИССИЕЙ ПО ИСТОРИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПРИ БЮРО ОЛЯ АН СССР

✱

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основу этой книги легли материалы специального курса «Введение в синтаксис русского языка», курса, который я читал в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова в 1947/48 учебном году.

Краткий конспект этого курса, охватывающий главные этапы развития русской синтаксической науки от Ломоносова вплоть до современности и завершившийся общим изложением моих синтаксических взглядов, был напечатан в «Докладах и сообщениях Института русского языка» (вып. I, 1948 г.). Предлагаемая вниманию читателей книга включает в себя лишь первую половину этого курса, подвергнувшегося переработке и некоторым сокращениям. После обзорных работ проф. Н. К. Грунского «Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков» (вып. I—III, Юрьев, 1910—1911 гг.) и проф. Н. К. Кульмана «Из истории русской грамматики» (Пг., 1917 г.) у нас не появлялось книг по истории развития русской грамматической теории и практики, а между тем прошлое нашей науки и любопытно и поучительно.

Акад. Викт. Виноградов

«В массе филологических понятий, находящихся у нас в обороте, есть и общие взгляды и частные представления, которые стоило бы подвергнуть критическому пересмотру и точнейшему определению. Эти понятия суть результаты разновременных влияний, которые теперь трудно в них узнать, потому что отличительные черты их сглажены в течение времени своеобразным или неотчетливым словоупотреблением».

П. С. Билярский. «Записка о плане будущих занятий в Отделении русского языка и словесности Академии наук 10 декабря 1860 г.»

**Ломоносовский период
в изучении русского синтаксиса
(с середины XVIII в. до 20-х годов XIX в.)**

I

У ИСТОКОВ РУССКОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

1

В развитии русского языкознания наблюдается постепенность, целесообразно обусловленная потребностями все расширявшейся и углублявшейся письменной культуры. Раньше всего пробуждается интерес к изучению слов, форм и звуков древнерусского литературного языка. Вопросы, относящиеся к законам и правилам сочетаемости слов («словосочетания»), а также к существованию основных синтаксических единиц речи более сложного охвата, чем слово, с особенной остротой тревожат общественную мысль и науку гораздо позднее (с XVI в.). Учение о «трех родах глаголения» (о трех стилях литературного языка), начавшее распространяться у нас с конца XVI — начала XVII в. и сыгравшее значительную роль в процессе образования русского национального литературного языка, было тесно связано, между прочим, с наблюдениями над синтаксическими конструкциями и их соотносительными вариантами в русской письменной и устной речи.

Античная грамматика и ее достижения не могли остаться в

стороне от славянского языкознания. Поэтому изложение развития русской синтаксической науки целесообразно начать с характеристики того состояния грамматической теории, которое было унаследовано древнерусской наукой и культурой. Античная философия не могла разрешить проблемы языка и мышления. Грамматические понятия часто сливаются с логическими. Предмет, мысль и языковое выражение не разграничиваются даже у Аристотеля. Язык в понимании античных лингвистов и философов — не система, а агрегат. «Строение слова, его сочетание с другими словами отражают строение вещи (или представления) и отношения между вещами в реальном мире (или в человеческом мышлении), зависят только от значения слова и ни в какой мере от строения языка как целого»¹. Смысловые отношения, выражаемые предложением, кажутся полностью заключенными в отдельных словах, и единственной проблемой синтаксиса является проблема «согласованности» слов, т. е. сочетаемости их соответственно их значениям. Античной теорией не вырабатываются понятия о «частях или членах предложения», отличных от «частей речи». Само учение о частях речи, созданное античной грамматикой, еще бедно и условно. Лексический состав языка разделяется на два разряда: слова знаменательные (семантические) и незнаменательные (асемантические). К знаменательным относятся имена и глаголы, незнаменательные играют роль «связок», «союзов» в составе речи. Классификация слов по «частям речи», объединяющая семантические и морфологические признаки их, является основой синтаксиса. Предложение понимается атомистически как сцепление элементов и слову в составе предложения не приписывается иной функции, кроме выражения своего собственного значения. Позднее в системе александрийской грамматики создается сложное и детальное учение о восьми частях речи.

На учении о слове основана теория предложения. По определению Дионисия Фракийского, «речь есть соединение слов, выражающее законченную мысль»².

Исследование и выяснение принципов сочетания слов, или сочетаемости слов, ложится в основу теории предложения. Имя определяет структуру субъекта, глагол — предиката. Глагол, по словам Аристотеля, служит всегда обозначением чего-либо сказанного об ином, например о подлежащем или о том, что в подлежащем. «Напротив того, выражение «он нездоров» или «он не болен», — продолжает Аристотель, — я не называю глаголом, хотя и оно (это выражение) соозначает время и всегда относится к чему-либо; для этой разновидности нет названия; назовем

¹ И. Троицкий. Проблема языка в античной науке, сб. «Античные теории языка и стиля», под общей редакцией О. М. Фрейденберг, ОГИЗ, М.—Л., 1936, стр. 23.

² Античные теории языка и стиля, стр. 117.

его неопределенным глаголом»¹. Однако «не всякое предложение состоит из глаголов и имен. Может быть предложение без глаголов, например определение человека»². «Протагор первый разделил речь на четыре вида — просьба, вопрос, ответ, приказание, и назвал их разветвлениями речей»³.

Теория предложения связывается с теорией суждения. Но не все виды предложений выражают суждение. Так, еще Аристотель учил, что «пожелание есть предложение, но не истинное или ложное»⁴. В античной теории предложения больше всего было разработано учение о предикативности, или сказуемости. Оно было тесно связано с античной теорией частей речи. В учении о глаголе, о *ῥῆμα*, которое противопоставлялось *ὄνομα* (имени), были заложены логические зерна, из которых выросло понятие предикативности. В диалоге Платона «Софист» развивается логическое учение о субъекте и предикате как необходимых, но различных друг от друга составных частях «предложения» (т. е. суждения). Лишь в сочетании имени с речением (*ῥῆμα*) образуется простейшее предложение типа «Человек учится». *ῥῆμα* здесь — глагольный предикат суждения. Так предикативная функция привлекает внимание исследователя к глаголу, который получает отныне важное место наряду с именем.

Дальнейший шаг в развитии учения о глаголе как об основном организационном элементе предложения-суждения сделан Аристотелем.

Анализ суждения (*λόγος ἀποφαντικός*) показывает, что оно не может быть выражено без глагола, взятого в каком-либо времени. Глагол определяется как «то, которое обозначает еще и время, часть которого в отдельности не имеет значения, и которое служит всегда обозначением для высказывания об ином», между тем как имя лишено этого временного соотнесения. Глагол, «высказанный сам по себе», т. е. не предикативно, является именем. Глагол таким образом, отличается от имени не своим основным значением, а временным соотнесением и предикативной функцией. Согласно логическому учению Аристотеля, предикация состоит в соединении или разделении двух понятий. Подлинной предикативностью обладает, строго говоря, лишь глагол «быть», *implicite* содержащийся в других глаголах или подразумеваемый в предложениях с номинальным предикатом. «Человек идет» равносильно предложению «Человек есть идущий», в таком же соотношении предикаты «знает добро» и «есть знающий добро», «может идти» и «есть могущий идти». Различие между такими выражениями относится уже к области *λέξις* словесного изложения и не имеет логического значения, как не

¹ Античные теории языка и стиля, стр. 33.

² Там же, стр. 61.

³ Там же, стр. 63.

⁴ Там же, стр. 62.

имеет его и то, что и субъект и предикат суждения могут быть в языке выражены с помощью не одного, а нескольких слов. Аристотель поэтому считал возможным пользоваться термином *ῥήμα* и для номинальной части предиката. И в «Поэтике» Аристотеля (20-я глава) позади «имени» и «глагола» лежат «субъект» и «предикат». Чисто логический характер имеет исключение из понятия глагола вопросительных и повелительных форм, не образующих суждения¹.

2

В силу того значения, которое приобрела в системе русского синтаксиса теория сочетания слов (или сочетаемости слов), целесообразно более подробно остановиться на синтаксическом учении Аполлония Дискола. Аполлоний Дискол считает главной задачей синтаксиса «сочетание отдельных слов в цельную речь», «законы всякого рода сочетаемости слов». Определение «цельной речи» основано на характеристике тех грамматических форм, которые играют «первенствующую роль» в ее структуре. Цельная речь — это «синтаксическое построение, в коем первенствующую роль играет личная глагольная форма как особая часть речи, все же остальные слова входят... в весьма определенное отношение к этой части речи как ее распространители»².

Аполлоний Дискол «старался уразуметь и систематически разработать построение речи и самого предложения, не выходя из области терминов о частях речи, их видоизменяемости и об их подразделении на разряды по особенностям их значений»³. В основу синтаксиса кладутся приемы и принципы сочетаемости форм слов, относящихся к разным частям речи, или приемы «распространения» слов. Например, личная форма глагола может распространяться существительными, наречиями, модальными частицами; существительные в свою очередь могут распространяться существительными же, прилагательными и т. д. Синтаксис в таком понимании выступает как система законов и правил сочетаемости слов и способов образования на этой основе разных типов цельных речей — простых и сложных.

3

Русская грамматическая наука, отражая и возобновляя в своеобразной культурной среде опыт прошлого и грамматическую традицию античности, начинается с разработки учения о

¹ См. И. М. Тронский, Учение о частях речи у Аристотеля, «Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия филологических наук, вып. 7, 1941, стр. 27—28; см. его же, Основы стоической грамматики, Сб. статей в честь акад. В. Ф. Шишмарева, Изд-во ЛГУ, 1957, стр. 299—310.

² Антон Добиаш, Синтаксис Аполлония Дискола, Киев, 1882, стр. 60—61.

³ Там же, стр. 64.

слове, о частях речи («О восьми частях слова»), о «сочинении» частей речи, т. е. о способах образования словосочетаний. При этом уже в «Синтагме» Мелетия Смотрицкого подчеркивается необходимость разграничения «синтаксиса простого» и «синтаксиса образного», т. е. стилистического, опирающегося на «образ правильного сочинения» у «искусных писателей». Естественно, что к стилистическому синтаксису отчасти относится и учение о порядке слов.

Любопытно, что уже в самых ранних русских грамматиках, исследующих и описывающих синтаксис книжной, письменной речи, есть указания и на «речь», «слово», т. е. на предложение, как на основную единицу связной цельной речи.

Таким образом, синтаксис русского языка уже на начальных этапах его научной разработки опирается на признание необходимости исследования «речи», предложения, и одновременно на теорию и практику «словосочинения», т. е. на описание грамматических способов сочетания слов, относящихся к разным частям речи, в сложные смысловые единства. Опыт античной грамматической теории осваивается всесторонне. Так определился самостоятельный путь развития русской синтаксической науки. Однако никакого последовательно развитого учения о предложении, никакой теории предложения нельзя найти у русских грамматистов до середины XVIII в. В грамматике М. Смотрицкого находится лишь общее определение «слова» (как тут называется предложение): «Есть же слово речений сложение, разум совершен являющее» (стр. 17). Здесь выдвигаются два основных признака предложения: законченность мысли, или «разума», и грамматически оформленная связь слов.

Вместе с тем отдел «словосочинения», содержащий учение о распространении разных частей речи, был лишен единого внутреннего синтаксического стержня. В этом отделе излагались правила употребления разных частей речи и разных форм слов, но сюда же включалось описание и некоторых конструкций и даже некоторых типов предложения (например, инфинитивных, безличных и т. п.). В таком виде теория русского синтаксиса дошла до эпохи Ломоносова¹.

4

История отечественной разработки синтаксиса русского языка входит как одна из глав в общую историю языкознания в России, а за последние сорок лет — в Советском Союзе. Конечно, изучение синтаксических форм и синтаксических категорий русской речи, возникшее и развивавшееся сначала на основе греко-римской и славянской грамматической традиции, а затем

¹ См. С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904; Н. К. Грунский, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, Юрьев. I—III, 1910—1911, ср. также: сб-к «Античные теории языка и стиля».

вообще западноевропейской науки о языке, было связано и с познанием всех других сторон строя русского литературного языка. Необходимо считаться и с тем, что как в классической древности, так и у нас почти вплоть до XVIII в. в термин «грамматика» обычно вкладывалось очень широкое содержание. К грамматике относили и грамматическую или семантико-грамматическую классификацию слов, и орфографию, и синонимику, и отчасти даже то, что позднее было отдано «теории словесности». Само собой разумеется, что в русской литературно-письменной традиции грамматические наблюдения и предписания первоначально складывались на почве церковнославянского, или славяно-русского, языка. По словам Максима Грека, грамматика «есть начало входа иже к философии»¹. А в азбучнике конца XVI в. было сказано еще решительнее, что грамматика — «основание и подосва всем свободным хитростям» (т. е. наукам и искусствам)².

Но как ни важна эта огромная подготовительная работа в XVI—XVII вв. для истории русской грамматической науки, для понимания путей формирования русской грамматической терминологии, для оценки способов осознания и истолкования разных грамматических категорий, наконец, для наблюдений над тем, как живой русский материал постепенно и как бы непроизвольно включался в наши грамматические труды³, — все же последовательная языковедческая деятельность, направленная на построение грамматики русского языка, связана с процессами образования национального литературного русского языка. Она развернулась в XVIII в. и нашла наиболее яркое и глубокое выражение в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова. Составители большей части предшествующих грамматик, кроме таких, как *Grammatica russica* (1696) Генр. В. Лудольфа и *Anfangsgründe der russischen Sprache* (1731) Адолурова, и частично таких, как «Грамматика славенская» (1723) Ф. Максимова, пытаются дать правила, с помощью которых можно было бы читать по-славянски, понимать читаемое и писать «чистым» славянским языком, а между тем представления о «чистом» славянском языке были смутные. Поэтому получилось смешение древних и новых форм, мертвых и живых. «Подражание греко-римским образцам приводило нередко к бессмыслице. Природа славянского языка забывалась и затемнялась. Все внимание ав-

¹ См. И. В. Ягич, Рассуждения югославянской и русской старины о церковнославянском языке, Исследования по русскому языку, изд. ОРЯС Имп. Академии наук, т. I, СПб, 1895, стр. 594.

² См. Известия Академии наук, 1855, т. IV, стр. 257; ср. также: проф. Н. Кульман, Из истории русской грамматики, отд. оттиск из Журнала Министерства народного просвещения, Пг., 1917, стр. 16.

³ См. С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России; И. В. Ягич, Рассуждения югославянской и русской старины о церковнославянском языке; проф. Н. Кульман, Из истории русской грамматики; проф. Н. К. Грунский, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, I, 1910.

торов, упорное и тонкое, направлено на описательную работу и на создание внешних схем»¹. И все же результаты этой большой описательной работы не исчезали бесследно. Они накапливались, исправлялись, обобщались и изменялись под влиянием речевого опыта — в связи с развитием русского литературного языка, в связи с закреплением его общенациональных форм и норм, в связи с его стилистической дифференциацией.

Вопрос о создании русской грамматики, доступной для живого непосредственного разумения, «выправленной добрым расположением» и близко отражающей практику употребления литературного языка, очень волновал передовых людей русского общества первой половины XVIII в. «Постараться о грамматике» убеждал Посошков в своей книге «О скудости и богатстве» («...учение грамматическое и прочих наук умным и острым людям вельми охотно и любезно бывает»). В своей «Речи о чистоте Российского языка» при открытии в 1735 г. «Российского собрания» В. К. Тредиаковский, заявляя о том, что «совершеннейший стал в Петровы лета язык, нежели в бывшие прежде», спрашивал: «Не велика ль удобность к начатию грамматики?»². Сочинение «грамматики доброй и исправной» становилось к середине XVIII в. неотложной общественной потребностью, самой актуальной задачей.

II

ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА РУССКОГО ЯЗЫКА В ТРУДАХ М. В. ЛОМОНОСОВА ПО ГРАММАТИКЕ И РИТОРИКЕ

1

Материалистическая направленность научного метода и научного мировоззрения М. В. Ломоносова ярко сказалась и в области языкознания. Ломоносов понимает язык как средство общения людей между собою (см. Соч., т. IV, стр. 15)³. Он подчеркивает связь и взаимодействие языка и мышления. В этом отношении характерен и замечателен самый первый параграф ломоносовской «Российской грамматики»:

¹ Проф. Н. Кульман, Из истории русской грамматики, стр. 19.

² Сочинения В. К. Тредиаковского, т. I, изд. Смирдина, 1849, стр. 265—266.

³ Все ссылки на сочинения Ломоносова даются по академическому изданию (под редакцией акад. М. И. Сухомлинова), ссылки на «Российскую грамматику» — по 2-му изданию (1755). Там, где берется материал из VII т. (М.—Л., 1952) последнего академического издания Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова, делаются соответствующие указания и ссылки на это издание.

«По благороднейшем даровании, которым человек протчих животных превосходит, то есть правителе наших действий разуме, первейшее есть слово, данное ему для сообщения с другими своих мыслей. Польза его толь велика, коль далече ныне простираются происшедшие от него в обществе человеческом знания, которые весьма бы тесно ограничены были, есть ли бы каждый человек воображенный себе способом чувств понятия только в собственном своем уме содержал сокровенны. Когда к сооружению какой-либо махины приготовленные части лежат особливо, и никоторая определенного себе действия другой взаимно не сообщает; тогда все бытие их тщетно и бесполезно. Подобным образом есть ли бы каждой член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому; то бы не токмо лишены мы были сего согласного общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется; но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей рассыпанных по лесам и по пустыням» («Российская грамматика», § 1, стр. 11—12).

Ломоносов, таким образом, утверждает, что язык существует в обществе, что он является средством общения людей, средством сообщения мыслей, что он — необходимое условие общественного прогресса. В понимании мышления Ломоносов стоит на материалистической точке зрения. По словам Ломоносова, человек сообщает другим «понятия... воображенные способом (т. е. посредством) чувств». «Чувства» — это ощущения, доставляемые внешним миром, действительностью. Следовательно, источник понятий, по Ломоносову, заключается в действительности. Едва ли можно объяснить эту материалистическую концепцию познания, как делает акад. М. И. Сухомлинов, влиянием Локка, который придерживался половинчатого, полуйдеалистического взгляда на происхождение идей (ср., например, его учение о вторичных качествах вещей, о непознаваемости субстанции и т. п.). Ломоносов самостоятельно пришел к материалистической теории языка и мышления.

Материалистические основы ломоносовской теории языка обнаруживаются и в учении «о знаменательных частях человеческого слова» (в основной части грамматики Ломоносова, см. «Российская грамматика», гл. 4, стр. 23 и след.). «Взирая на видимый сей свет, — пишет М. В. Ломоносов, — двоякого рода бытия в нем находим. Первого рода суть чувствительные в нем вещи; второго рода суть оных вещей разные деяния» (§ 39). Таким образом, в различении частей речи в русском языке, по учению Ломоносова, находит обобщенное отражение различие вещей и явлений, «деяний» действительности. Имена — это «изображения словесные вещей» (§ 40), глаголы — «изображения деяний». «И так понеже они всегда вещь или деяние знаменуют; по справедливости знаменательные части слова названы быть могут» (§ 40). С точки зрения той же теории отражения и осмысления действительности в слове Ломоносов опре-

деляет значения предлогов и союзов. «Предлоги для знаменования обстоятельств, к вещам или к переменам принадлежащих, предлагаются именам и глаголам раздельно...» (§ 41). «Союзы показывают взаимность видения и разумения» (§ 41).

Любопытна семантико-синтаксическая трактовка сущности других «частей речи», опирающаяся на своеобразное понимание роли их в контексте. «Множество понятий и поощрение к скорому и краткому их сообщению привело человека нечувствительно к способам, как бы слово свое сократить и выключить скучные повторения одного речения», — пишет М. В. Ломоносов, следуя принципам всеобщей, или универсальной, грамматики, восходящей к Грамматике Пор-Рояля. Лаконическое сжатие речи, по мнению Ломоносова, достигается посредством употребления местоимений, наречий и «междуметий». Например, «*Семпроний, увидев нечаянно Тиция, молвил: ба! вместо сего: я удивляюсь, что тебя здесь вижу*» (§ 42, стр. 25)¹.

Во всяком случае, бросается в глаза то обстоятельство, что при определении разнообразных грамматических понятий М. В. Ломоносов исходит из двух принципов: из принципа отражения в них «вещей», «свойств вещей», «деяний», вообще явлений действительности и из принципа общественного развития и социальной обусловленности речи.

Признаки материалистического мировоззрения отчасти обнаруживаются и в ломоносовском истолковании «предложения» («речи», по терминологии Ломоносова): «Вещь иметь должна прежде свое бытие, потом деяния» (§ 81). Отсюда выводится наиболее распространенный в русском языке тип простого глагольного предложения: *Земля тучнеет*. Ломоносов подчеркивает, что при переходном глаголе прямой объект («прямое дополнение») также принадлежит к главным частям (членам) предложения (§ 79). Например, *Облака покрыли небо*.

Все остальные члены предложения служат для распространения состава предложения. «Вещей и деяний свойства и обстоятельства умножают наши понятия и названиями их речь распространяют» (§ 83). Например: *Облака, сгущенные влажностью, покрыли освещенное солнцем небо, Темнота облаков покрывает ясность неба, Облака покрывают небо на востоке, Земля тучнеет от росы*. «Сей порядок речений и их полнота хотя с чином природы сходятся; однако вольность человеческих мыслей превращает порядок оных и выключает из речи то, чему бы по натуре быть должно было» (§ 84). Поэтому возможны изменения в порядке слов, инверсии. Пример инверсированного словорасположения: *Тучнеет от росы земля*.

Настойчиво выдвигая мысль о соотносительности речи с действительностью или об отражении действительности в речи, Ломо-

¹ Отношение ломоносовского учения о частях речи к предшествовавшей грамматической традиции освещено Я. К. Гротом в «Филологических разсуждениях», СПб., 1899, стр. 519—521.

носов рассматривает предложение как выражение суждения (или «рассуждения», по терминологии той эпохи)¹. «Сложение знаменательных частей слова, или речений, — пишет он в «Российской грамматике», — производит речи, полной разум в себе составляющие через снесение разных понятий» (§ 80). Ломоносов, следовательно, к ранее отмеченным признакам предложения — законченности мысли и грамматически оформленной связи слов — присоединяет еще один, самый существенный: «снесение» (т. е. сопоставление, объединение) разных понятий в акте предикации.

Кроме простого «сочинения речений», т. е. простого предложения, М. В. Ломоносов различает еще две синтаксические категории: «сочинение сложное», т. е. сложное предложение, и — в сфере стилистики — период. «Сложное сочинение» — это «соединение нескольких речей полной разум в себе содержащих». Образование сложного предложения, по Ломоносову, осуществляется с помощью относительных (или «возносительных») местоимений, деепричастных оборотов и союзов (§ 85). «Отсюда рождаются разные периоды, одночленные, двучленные, тричленные, четырехчленные» (§ 86).

Впрочем, теория предложения и периода «надлежит до Реторики» (как выражается Ломоносов). «Пространное оных изъяснение и толкование» выведено за пределы грамматики. Ломоносовская же грамматика, кроме фонетики и учения о частях речи, содержит в себе лишь синтаксис словосочетания.

2

В русском дореволюционном языкознании вопросы синтаксиса в трудах Ломоносова по грамматике и риторике почти не были предметом внимательного изучения. Синтаксическая теория Ломоносова явно недооценивалась. Показательно, что в «Очерке истории языкознания в России» проф. С. К. Булича (1904) синтаксические взгляды Ломоносова и синтаксический раздел «Российской грамматики» совсем не затрагиваются; они просто замалчиваются и обходятся (см. стр. 213—216 «Очерка»).

Точно так же высокомерно и не вполне исторично отнесся к синтаксической теории Ломоносова Н. К. Грунский (ср. также однородные суждения у Я. К. Грота в «Филологических разысканиях»). Ломоносов, по словам Н. К. Грунского, «касается лишь верхушек синтаксических вопросов»². Общие положения

¹ Вопрос о грамматической терминологии М. В. Ломоносова в связи с развитием понятий об основных категориях русского грамматического строя рассматривается в кандидатской диссертации М. А. Ивановой. См. автореферат: М. А. Иванова, Грамматическая терминология М. В. Ломоносова Тбилиси, 1954.

² Проф. Н. К. Грунский, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. I, стр. 22—28.